

Из Ада в лучшее будущее

Инайя Халед

Путь от Лхасы казался бесконечно долгим, силы были на исходе, а когда все это должно было закончиться марокканка не знала. Были абстрактные слова доктора о том, что осталось совсем немного, всего несколько часов, но марокканка уже потеряла счет времени. Вокруг была крошечная темень, которая лишь мешала, а счет времени давно потерян. Абстрактные пару часов сейчас казались чем-то невыносимо долгим. Но все же это было когда они проходили мимо какой-то деревни, огней которой уже давно не видно позади.

Каждый следующий шаг давался девушке с большим трудом. Наверное, идти сейчас получалось лишь потому что рядом был доктор, врач Виктор Гиббс, которого она не могла подвести. Мужчине тоже было не очень хорошо, марокканка хорошо помнила, как несколько часов назад (даже больше, чем несколько) она обрабатывала рану на его спине, из которой вытащили обломок того, что когда-то именовалось ножницами. А еще ребра. Инайя видела, как он аккуратно их прощупывает, морщась от боли. И шел он тоже, морщась от боли. Наверное, им все же повезло, что какую-то часть пути удалось проехать в кузове какой-то разваливающейся ржавой машины. Наверное, если бы до деревни их не подвезли, пусть и совсем немного, то они бы до нее еще не дошли. Наверное.

Виктор Гиббс

Виктор примерно рассчитал время, сколько им нужно было идти. По всему выходило, что эти три с лишним десятка километров они могли преодолеть как раз к утру, если пойдут быстрым шагом, или полудню, если будут идти медленно и делая остановки. Самое неприятное было то, что причиной этого медленного шага рисковал стать сам Виктор. От быстрого темпа начинало сбиваться дыхание (курение - враг здорового образа жизни), а чем активнее он дышал, тем сильнее чувствовался дискомфорт в грудной клетке.

Однако останавливаться он и не думал. Нужно было дойти, благо, ноги были целы. Голова вроде бы тоже, хоть он и хлопнулся затылком о землю, когда бывший хозяин Инаии опрокинул его. Но, видимо, если мозгов мало, им сотрясение не грозит.

На подходе к деревне Виктор заметил мелькнувшие в темноте фары. С жутким грохотом по пыльной дороге катился грузовик, бывший явно старше Виктора и Инаии вместе взятых. Это был неплохой шанс ускориться, и Виктор вытянул руку.

Пожилой китаец с не зажженной сигаретой в зубах справился, куда они держали путь, и щедрым жестом пригласил занять место в кузове грузовика, рядом с пустыми ящиками из-под сена. На переднем пассажирском сиденье у него сидел здоровенный косматый пес, так что в кабине мест больше не было. Но Виктор не стал ничего спрашивать и полез в кузов, предварительно аккуратно подсадив в него Инайю.

Первое, что не понравилось Виктору, это то, как ощутил он какое-то неприятное

покалывание где-то в спине слева, когда залез в кузов. Учитывая, что пришлось приложить некоторое усилие, чтобы подняться на высоту кузова, и ухватиться одной рукой за край, становилось понятно, что причина могла крыться и в этом.

Следующий тревожный звоночек прозвенел, когда на очередном повороте уже около самой деревни грузовик опять подбросило на ухабе. До этого Виктору как-то везло компенсировать все эти скачки, но вот тут не удалось, и внутри что-то сместилось с характерной крепитацией. Болевое ощущение было резким и сильным. Виктор почувствовал, как его замутило, а по телу прокатился озноб. Он вцепился обеими руками в борта кузова и не двигался до полной остановки, глядя в одну точку перед собой и пережидая болевой приступ. Надеяться, что это пострадал просто межреберный нерв, становилось все наивнее. Ребро или несколько сместились - это факт. Очень хотелось надеяться, что осколков не было, но то, что край ребра что-то явно повредил, не оставалось никаких сомнений.

Водитель высадил их как раз у дороги, по которой обычно от деревни можно было добраться до Храма. Дальше грузовик скрылся в другом направлении, но звук его двигателя еще долго раздавался в предрассветной тишине. Виктор бы, может, и нашел это очень поэтичным, если бы только неприятный жар и боль в ребрах не мешала насладиться этим.

- Еще немного осталось, - в очередной раз повторил Виктор, уже даже не зная, убеждал он в этом Инайю или себя.

Правда, через еще минут двадцать подъема по дороге в гору Виктор понял, что "немного осталось" - это, скорее, ему самому. В горле стояло неприятное ощущение, словно с каждым трудным выдохом, отзывавшимся болью в спине, разливавшейся вдоль всего позвоночного столба, где-то в глубине переливалось что-то прохладное.

Когда же ему не удалось сдержать очередной кашель, который он успешно подавлял последний час после погрузки в кузов грузовика, Виктор почувствовал во рту металлический привкус. Приехали. Хорошо, что в предрассветных сумерках Иная вряд ли видела, что происходило. Виктор украдкой сунул в рот палец, вытащил и едва смог рассмотреть, но на светлой коже отчетливо было видно более темное. Да и запах крови он учуял тоже, слабый, но ощутимый. Если судить по дислокации боли и характерных симптомах, надеяться на то, что это пришло из желудка, а не из легкого, было бессмысленно.

Твою же мать.

- Присядем, - выговорил Виктор на коротком выдохе. Просто потому, что если он пройдет еще немного, то станет совсем хреново. И что было делать дальше? Послать Инайю в Храм одну, за помощью? А найдет ли она его, если даже Виктор уже пару раз сворачивал не туда, пока не привык к дороге? Да еще в темноте. В деревне с таким ранением ему тоже никто ничем не поможет.

На самом деле Виктор не стал садиться. Вот уж точно ему подъем и изменение положения тела в пространстве только не хватало. По крайней мере, не в условиях больницы.

Какой шанс, что на дороге в четвертом часу утра окажется кто-то согласный помочь? А тем более, принадлежащей к общине Храма? Вот то-то и оно.

Цирилла Грей

Действительно, шанс ничтожный.

Не каждый день видишь на дороге в монастырь ранним - очень ранним - утром двоих. Мужчина и женщина, причем вид у обоих довольно потрепанный. Даже, честно сказать, очень потрепанный. Цирилла неслышно переступила с ноги на ногу, спрятавшись в зарослях вдоль дороги. Абсолютно не солидно, м-да. Ей, женщине за тридцать, матери четверых детей, старшему мастеру монастыря, французской графине, да и просто очень умной и привлекательной женщине, прятаться в кустах, словно какой-то девчонке. С другой стороны - все было более чем логично - мало ли кого нелегкая принесет на дорогу, да еще и в ночи? Так что не мешало присмотреться к незванным гостям, прежде чем гостеприимно приглашать их в Линь Ян Шо. В том, что двое незнакомцев искали именно монастырь, у девушки не было даже ни тени сомнения - в сторону монастыря вела только одна тропинка, которая затем, тем не менее, разветвлялась на две: одна вела к главным воротам, вторая - делала солидную петлю и сворачивала к западным. И, видимо, сказанное вслух "немного осталось" относилось именно к времени путешествия до ворот монастыря.

Цирилла втянула носом воздух, едва улавливая очень легкий металлический запах - кровь. Надсадный кашель, который бывает, когда в легких что-то мешает. Или им что-то мешает нормально раскрываться. И болезненно-бледный мужчина, не говоря уж о девушке экзотической внешности, повисшей на своей провожатом.

Она решительно вышла из зарослей, появляясь чуть впереди незнакомцев, чтобы дать им какое-то время осмотреть ее в предрассветных сумерках и определить свое к ней отношение. Угрозы, естественно, никакой, но, если хотите, вопрос доверия. Она им не доверяла, они ей могут тоже не доверять. Но еще ни один нуждающийся не прошел мимо Линь Ян Шо без пристального внимания со стороны обитателей Храма Мудрости.

- Вам нужна помощь, - не вопрос, утверждение. Цирилла приблизилась настолько, чтобы ей можно было беспрепятственно наблюдать ауры пришельцев, а им можно было без помех рассмотреть ее. Красное, много красного - и разбегающаяся паутинка серого в области ребер мужчины. А сбоку - распутившийся алый цветок из грязно-бордового и темно-голубого. От которого ниточками разливалась боль. Легкое - поняла Цирилла. Что ж, с таким делом мы уже имели. И сотрясение легких. Что-то в области лопатки - тоже красное.

Цири перевернула взгляд на девушку - истощение - аура мутная и грязная, особенно в области головы и шеи. Тут что-то еще, очень похоже на похмелье, но...нет, скорее всего не похмелье, какое-то опьянение. Учитывая муть на уровне двух верхних чакр - может быть наркотическое, или его остаточные проявления. И активность на уровне Свадхистханы, тоже с красными пятнами.

- В таком состоянии вы не дойдете до Монастыря, - Цирилла не стала юлить, сразу выдав собственную принадлежность. Какой смысл? Если они в монастырь - то ее

там увидят. Если нет - то сейчас видят ее в последний раз.

Инайя Халед

Инайя чувствовала, что скоро просто упадет. Упадет и не сумеет подняться без посторонней помощи. Но рассчитывать на помощь доктора опять (снова!) она не могла - и без того доставила мужчине уйму хлопот. Это, может быть, со стороны может показаться, что она совершенно ничего не замечает, что идет себе и идет, постоянно прокручивая в голове его имя. Нет, она замечает. Не все, конечно, но ей казалось, что она прямо чувствует как ему тяжело идти. Вероятно, это все отголоски ее собственного состояния, которое накладывается на ее желание сделать для этого человека что-то в ответ, чем-то отблагодарить его за его доброту и за ту бесценную помощь. Он подарил ей свободу от Кхана, но что теперь? Теперь она будет служить ему, верно? Ведь иначе-то никак, ведь это он ее спас, а она будет ему очень благодарна. Она умеет.

Марокканка опустилась на землю, тяжело дыша. Из-за высоты, с непривычки, где воздух не так сильно насыщен кислородом. Но Виктор присаживаться не спешил. Ему было больно - это было видно даже в этой темноте. Мимика выдает. Удалось немного отдышаться. Но внезапно появилась какая-то девушка. Очень красивая девушка. В предрассветном сумраке она выглядела сказочно и очень загадочно. Точно фея или волшебница. Такая белокурая и изящная. Инайя могла поклясться, что на лицо она еще прекраснее. И ее голос. Он был очень приятным и добрым. Настолько все внезапно хорошо не складывается, ведь такого просто не бывает. Значит, ей снова кажется. Кажутся люди, кажется маленькая птичка, снова в ее голове какая-то путаница, словно она и - это не она вовсе. Но говорить доктору о своем видении девушка не спешила - ему и без этого пришлось несладко, а решать ее проблемы с головой ему точно не стоит. Девушка-мираж, девушка-видение. Прекрасная белокурая жрица. Может быть, ей привиделась та самая богиня Луны, о которой иногда говорили девочки из соседних комнат, когда одевали белые парики. Они красивыми не были, а вот она - очень красива. И предлагает помощь. И, чтобы никак не пугать доктора своим видением, Инайя лишь молча кивнула, соглашаясь на помощь.

Виктор Гиббс

Это только в кино, где любят штампы, после того, как герой отчаивается окончательно, появляется тот, кто решает все его проблемы. В жизни, как правило, этого не случалось просто потому, что законам драматургии жизнь не следовала, в ее цели не входило развлекать зрителя или читателя своими перепадами. Поэтому Виктор и не ждал никаких роялей в кустах и богов из машины.

Но случилось.

Сперва Виктор даже решил, что у него все-таки начались галлюцинации, и мигом попытался проанализировать механизм возникновения их. Вероятно, он все-таки ударился головой слишком сильно, но сам того не заметил? Или ему стало не хватать кислорода из-за мелких поверхностных вдохов-выдохов, и вот, на тебе, мозг выдает от недостатка питания какую-то чушь. Но подобные галлюцинации не могут быть настолько реалистичными для всех органов чувств.

И еще. Девушка явно была сведуща в отношении Храма. Виктор ее не помнил - он, если честно, не особенно хорошо ее вообще сейчас видел, но все-таки по общему облику и ее голосу не мог опознать никого из знакомых ему обитателей. Знал он, положим, далеко не всех, но видел многих - и совсем маленьких детей, и умудренных годами и знаниями мастеров, и боевых как амазонки девушек, и подростков на пике пубертата. В общем, много кого он видел. Но вот эту девушку, похоже, нет.

- Прошу извинить, что не знаю вас по имени, - на первом выдохе выговорил Виктор, чуть морщась от того, что от речевого выдоха неприятно завибрировало в поврежденном легком. - Прежде не видел вас в Монастыре, - еще пауза, медленный осторожный вдох, чтобы не слишком расправлять грудную клетку. - Но тут вы бесконечно..., - слишком длинное слово, довыпендривался, выдоха не хватило; пришлось снова набирать небольшую порцию в легкие: - правы.

Виктор повернулся всем корпусом к неизвестной девушке, всматриваясь в ее лицо, хотя в полумраке было едва ли видно.

- Помощь нужна. Обоим, - не став более расшаркиваться в любезностях, резюмировал Виктор. - Если позовете кого-то... будет хорошо.

Цирилла Грей

Цирилла едва не фыркнула, когда ей предложили сходить за помощью, но вовремя сдержала пыл и успокоила норовистый огонь, подняв ладонь на уровень груди и медленно направляя на нее желтую энергию Манипуры. Крохотный огонек, щадя глаза пришельцев, разгорался неохотно и очень плавно, постепенно увеличиваясь в размерах, что позволяло незнакомцам внимательно ее рассмотреть. Цирилла порой забывала, что не все люди видят в темноте также хорошо, как и днем. Сама она неудобства не испытывала. Бежать обратно до монастыря Цирилла сейчас как-то не планировала. Конечно, в местных условиях дороги проводить лечение как-то несуразно, но, как говорится, чем богаты. Будем обходиться условиями военно-полевой хирургии, тем более что у нее достаточный в этом опыт.

- Меня зовут Цирилла Грей. И, если честно, Вас я тоже не видела в монастыре. Хотя, может быть оттого, что я приехала только вчерашним вечером, - задумчиво закончила она, подходя ближе и чуть прикрывая кулак, дабы свет огонька не слепил глаза. - У Вас повреждено одно легкое, одно ребро сломано и смещено, два сломаны и еле держатся и по крайней мере еще четыре треснуло, но справа, - и, предупреждая дальнейшие вопросы, пояснила: - Я - врачеватель. И еще гемоторакс. В смысле, у Вас гемоторакс слева. Это из самого опасного. Есть еще несколько повреждений, но они второстепенны. У девушки простое истощение и угроза на воспаление, но сначала лучше будет разобраться с Вами.

Когда не на кого надеяться - приходится надеяться только на себя. Цирилла могла растеряться, как девчонка, в присутствии более опытного врачевателя, но когда оставалась одна на поле боя, то всегда сразу и четко знала, что ей нужно делать. И дело даже не в клятве Гиппократ, которой она никогда не давала, а в простой человеческой ответственности. Где-то в глубине души Цири все-таки была очень доброй - ну вот не могла она пройти мимо обездоленных, униженных, оскорбленных

и прочих жертв общественности. Особенно если больше вокруг никого нет.

- Если Вы позволите, я Вам помогу, - лезть без разрешения со своей энергией - верх наглости и беспринципности. Цирилла была уже не желторотой ученицей, только-только научившейся управляться с энергией врачевания, поэтому разрешение "пациента" на лечение значило для нее столь же много, сколь и разрешение человека на использование ментальной магии. - И сначала мне нужно будет вправить ребро, чтобы оно не пошло дальше.

Инайя Халед

Инайя старалась слиться с темнотой. Ей было очень неудобно, что из-за нее кому-то еще придется беспокоиться. Раньше никто не беспокоился, просто говорили что делать, а она уже и не сопротивлялась. Давно не пыталась сопротивляться, с тех самых пор, как получила несколько новых шрамов в память о том, что безропотная покорность приветствуется абсолютно везде и всегда.

Имя женщины звучало несколько странно и как-то пленительно. В нем было что-то загадочное. Возможно, марокканке лишь хотелось в это верить, ведь не каждый день двое людей не китайцев предлагают свою помощь. Ей вообще никогда не предлагали помощь европейцы. Те, с которыми она сталкивалась в гостинице, пока жила в Марокко, смотрели на нее с некоторым пренебрежением, ясно говоря о том, что она находится у самого основания социальной лестницы, если даже не за ее пределами.

И эта красивая богиня Цирилла Грей была абсолютно права. Доктору очень нужна ее помощь, потому что он очень нехорошо выглядит даже в свете этого... странного огонька. Марокканка неслышно охнула, прижав ладонь к губам, чтобы лишний раз не привлекать внимание. Богиня создала свет из воздуха, словно собрала в одну кучку много-много светлячков. Только это были не светлячки, это был самый настоящий огонь, маленькие языки пламени которого можно было угадать в этой предрассветной темноте. Или представить и думать, что их видишь. И, словно замороженная, немигающим взглядом следить за этим светом. Таким теплым и, кажется, добрым. Хотя бы потому что все равно не понимаешь о чем говорят эти двое добрых людей. словно они говорят на каком-то совершенно непонятном ей языке. Сидеть, смотреть и не привлекать к себе внимание. Ничего нового, просто тут ее пока что не били. И не говорили ублажать. Пока что.

Виктор Гиббс

Что-что, а обитатели Храма, похоже, любили выступать эффектно. Виктор, конечно, успел стать несколько искушенным, пока жил в Храме и наблюдал, как тренируются в разной магии ученики, но все же огонь посреди ночи - кажется, он уже это видел. Да-да, определенно. Но это все же было впечатляюще.

Да и девушка, что говорить, производила эффект. Не будь состояние Виктора столь плачевным, он бы непременно сделал ей комплимент. Но тут он мог лишь мужественно сдержанно улыбнуться и кивнуть. Да. Помощь ему не помешает. Он не знал, как она умудрилась поставить ему диагноз на таком расстоянии (окей, он понимал, что "врачеватель" в данном случае значило именно врачевателя, а не человека с дипломом врача), но, похоже, она не ошиблась. Гемоторакс - вот это в

самом деле хреново. То есть, он понимал, что там что-то не так, но даже у циничного врача есть право понадеяться на "а вдруг пронесет". Вот не пронесло. То, что дышать становилось труднее, теперь объяснялось компрессией легкого.

- Я в ваших руках, - выдал Виктор, поскольку на более многословные изречения способен сейчас не был, да и на спор тоже.

Что он мог сказать? Давайте побежим в больницу? Вызовите-ка сюда карету "скорой"? Покажите мне ваш диплом с лицензией? Девушка явно понимала, о чем говорила, и раз уж так, выбора у Виктора не было. Нет, выбор был всегда - сдохнуть, например, было очень равноценным и, что главное, таким же вероятным вариантом. Что же выбрать? Прямо даже не скажешь с разбегу, все такое вкусненькое.

Цирилла Грей

Цирилла сжала ладонь в кулак, задавливая огонек - окружающее пространство вновь погрузилось в предрассветные сумерки. Но Цирилле свет был в принципе не нужен - как любой врачеватель, она ориентировалась по ауре человека, а этому не нужен ни свет ни солнце. Вообще-то дальше должно было пойти сплошное фокусничество, но после варианта "огонь на ладони" вода на руках и восстановление поврежденных тканей должно будет восприниматься чуть ли не как обыденное дело. Тем более, что отказываться от излюбленного использования воды, чтобы лишний раз не цеплять на себя ша-ци, Цирилла не собиралась. Огонь, конечно, хорошо, но она в первую очередь всегда будет магом воды.

Мало кто знает о такой великолепной особенности энергии синего цвета, как способность восстанавливать правильное положение смещенных тканей. Конечно, ощущения при этом непередаваемые, но замороженные "местной анестезией", в простонародье именуемой все той же энергией синего цвета, ткани попросту перестают чувствовать боль, не давая импульсам доходить до головного мозга. В этом ее существенное отличие от голубой - которая ликвидирует очаг боли, а не просто подавляет его.

- Не двигайтесь, - Цирилла откупорила флягу и окутала одну ладонь слоем воды, но при этом не стала отводить руку мужчины в сторону, как и заставлять его ложиться на землю, что, конечно, только мешало ей, но при этом не было дополнительного риска, что ребро скакнет дальше в легкое и процарапает перикард. Девушка просто задержала ладонь с водой в области левых ребер, на уровне примерно шестого, так как именно оно представляло наибольшую опасность в данный момент, и направила синюю энергию на повреждение, одновременно и лишая место чувствительности, и восстанавливая анатомически верное положение кости. Красные пятна боли быстро заретушировалось синим, стало более четко видно внутренние повреждения. Внимательно глядя на изменения в ауре, Цирилла добила того, что серая полоса между отломками была как можно более тонкой, что свидетельствовало о почти полной репозиции. Кровотечение сразу же усилилось. - ребро естественным образом тампонировало рану. - Ребро на месте. Повреждение не очень обширное, и крупные кровеносные сосуды не задеты.

Цирилла сменила цвет энергии на голубой и стряхнула первую помутневшую воду - кровь выходила в виде ша-ци.

Инайя Халед

Женщина. Местная Богиня. Она убрала огонь со своей ладони, но очень скоро Инайя заметила некий отблеск на ее ладони. Вода. Тонкий слой воды отражается в лунном свете, придавая прекрасной Деве еще более мистический и чарующий вид. Словно небольшой ореол. И пусть, что он только у ее рук, которые, наверное, сейчас творили какие-то чудеса. Она прекрасна. Может, это знак, что не тому Богу она всю жизнь посвящала свои молитвы?

Марокканка подтянула к себе ноги и обхватила их руками. Девушка уткнулась носом в собственные колени и, мерно покачиваясь вперед-назад, наблюдала за своим спасителем и за прекрасной девой. Ей казалось, что она лишняя. В этом месте собрались только прекрасные люди и существа, а она просто не достойна быть тут, осквернять их не только своим присутствием, но и существованием. Но она не могла оторвать взгляд от них. В отблеске Луны ей показалось, что черты доктора несколько смягчились, словно спало то жуткое напряжение, которое было вызвано болью. И если в этом она могла бы усомниться, свет Луны становится все более тусклым, ведь ее время, ночь, прошло, то она слышала его дыхание. Оно тоже изменилось. Но определить насколько это хорошо или плохо девушка не могла. Она просто сидела и наблюдала за этими неведомыми чудесами, которые и видеть не могла, лишь чувствовала, словно так можно. Но так хотелось. очень хотелось.

Виктор Гиббс

Пока Виктор пребывал в Храме, он уже успел повстречать там нескольких целителей, но толком за работой их не видел. Да, они показали ему пару приемов, объяснили, в чем суть, но это мало отличалось от того, что говорила в свое время ему Эдриэн, когда научала его нехитрым приемам целительства.

А вот тут, похоже, Виктору предстояло весьма близко прикоснуться к таинству лечения.

Видно было не очень - огонек погас, - но Виктор явно слышал, как негромко зажурчала вода, и сперва подумал, что во фляге у девушки был или стерилизующий раствор для мытья рук, или же хотя бы вода для ополаскивания рук от пыли. Вода-то была, но приключилось с ней очередное "необъяснимое". Могло показаться, что ладонь женщины просто намокла, но на деле это было скорее похоже на перчатку из водяного слоя.

Она не сказала ни лечь, ни изменить положение рук, что уже насторожило. Но Виктор решил, что пока не он командует парадом, надо помолчать, дать ошибиться, а потом уже...

Нет, ну не охренеть ли?

То есть, Виктор предполагал, что это их целительство творит чудеса, но чтобы снять тяжелый болевой синдром без медикаментов и так быстро, это, пожалуй, удивило немало. Хорошо, он мог себе это объяснить - мозг просто перестал воспринимать болевые импульсы, что не отменяло того, что нервная система по-прежнему занималась их проведением. Но потом, подчиняясь чужое воле, даже без прямого физического или хотя бы непрямого контакта, ребра внутри явно пришли в

движение, управляемые мышцами, что их держали, возвращаемые на место. Боли не было при этом, хотя Виктор знал, что в таких вопросах боль может быть такой, что пациента проще вырубить наркозом. Он просто чувствовал внутри естественную вибрацию, натяжение тканей, крепитацию.

Очаг боли, который до этого пекло будь здоров, словно охладило компрессом.

Кажется, девушка сообщила, что ребро вернулось на свое законное место. Виктор малость растеряно кивнул. Ему не нравилось то, что вместе с тем усилилось головокружение и появилась знакомая холодная слабость, ползущая по задней стороне шеи, вверх по загривку и в затылок. Ощущение это Виктору было знакомо только один раз - когда он на спор, обманом, сдал в донорском центре кровь три с половиной раза. Почему с половиной? Потому что на половине четвертой попытки он почувствовал вот это самое ощущение, а после вырубился. Зато спор выиграл.

- Спасибо. Рискую отключиться от кровопотери, - на одной тональности, голосом, больше похожим на обозначение хирургом своих действий и их результатов во время сложной многочасовой операции, произнес Виктор. Не нравилось еще то, что, говоря это, он чувствовал усилившийся во рту привкус крови, а в горле появилось ощущение, как при мокром кашле.

Цирилла Грей

Все те разговоры что маги воды стараются отвлечь больного от самого процесса лечения бессмысленными разговорами - это все бабкины сплетни. Потому что вот живой пример - Цирилла. Сильный маг воды. Не менее сильный целитель. И молчит, как стойкий партизан на допросе. На самом деле, Цирилла не любила отвлекаться от дела, потому что боялась в чем-то ошибиться или сделать только хуже. Если раньше она еще куда ни шло могла поболтать, то после памятного ранения Чжоу и его трясушки в клинике Сина девушка старалась лишней раз не отрываться от процесса - ало ли, наступит какая внеплановая агония. Не дай бог еще растеряется, испугается, перестанет вообще что-нибудь делать, а пациент возьмет и коньки сбросит. Непорядок. Так что все, на что Цирилла сейчас была способна - это коротко комментировать важное действие, предпочитая ограничиваться рублеными фразами.

- Не рискнете, - уверенно возразила Цирилла, вглядываясь в ауру и замечая, как под воздействием голубой энергии пятно в проколоте легком постепенно ликвидируется, а ткани восстанавливают свою анатомическую целостность. Конечно, от кровопотери была но не столь значительная, чтобы от нее терять сознание. К тому же легкое было пробито сломанным ребром вовсе не насквозь, иначе бы пошло кровохарканье чуть более значительное, чем простой надсадный кашель, вызванный болевым шоком и раздражением межреберных нервов. Но восстанавливать баланс сердечной Анахаты и основной Муладхары во избежание отключения все-таки нужно было, причем как можно скорее, иначе они потянут за собой все остальные чакры, а тут здравствуй и спутанность сознания, и прочие неприятности. - Сейчас станет легче.

И, стряхнув серую ша-ци, подключила энергию зеленого цвета к работе, щедро делаясь ею с мужчиной и направляя ее прямо в ослабленную сердечную чакру.

Сейчас энергетический баланс восстановится хотя бы немного - так, чтобы это перестало угрожать геморрагическим шоком, а потом можно восстанавливать целостность ребер. Цирилла сомневалась, что на полное восстановление всего организма ей хватит сил - девушку придется лечить уже в монастыре, потому что сама Цирилла чувствовала первую, пока еще несильную, ломящую боль в затылке. Первые предвестники.

- Рана в легком закрыта, сейчас я восстанавливаю баланс энергий, а затем приступлю к лечению ребер, - логичнее всего было уложить мужчину, но, во-первых, сломанное ребро было не закреплено, так что такая скрупулезная репозиция могла пойти псу под хвост, во-вторых, укладывать его на холодную после ночи землю - идея не самая великолепная. Земля вытягивает тепло, а сейчас ему это тепло еще понадобится самому. - Как девушка?

Ладно, забудем о том, что Цирилла молчит во время лечения. Просто забудем. Все, что угодно, лишь бы заставлять незнакомца оставаться в здравом уме и твердой памяти.

Иная Халед

Казалось, происходит что-то невероятное. Доктору становится легче от одних только странных движений Лунной богини, которая способна управлять водой и огнем. И хотелось, искренне хотелось верить, что это все на самом деле, а не плод ее разыгравшегося воображения. К сожалению, как показывает практика, чаще всего марокканка видела лишь иллюзии, которые притягивало сознание из-за ее желания во что-то верить также сильна, как в то, что она существует. И ничто ей в этом не могло помешать: ни спутанность мыслей, ни странные видения, ни та птичка, которая ей иногда так помогает жить. Просто желание, искреннее и очень-очень сильное, верить во что-то лучшее, чем есть сейчас.

Доктор и богиня обменивались фразами, но Иная не понимала сути их разговора, потому что не была знакома с такими словами. А если быть совсем честной, так Иная даже не пыталась что-либо сейчас понимать. Она полностью отдалась этой прекрасной иллюзии, которая так красива и безупречна, что просто не может быть реальностью. Никто не станет ей помогать, никто не станет калечить Кхана и жертвовать собственным здоровьем ради нее. Но если сон (на самом деле, не столь принципиально сон или иллюзия), то пусть он будет красивым и безупречным, потому что страшных вещей и людей в ее жизни и без того слишком много.

Виктор Гиббс

Что ж... Виктору наглядно демонстрировали все, в чем его довольно безуспешно пыталась убедить все это время его жена. Что спасти жизни "наложением рук" можно, и можно весьма успешно, даже тогда и там, где самая передовая медицина спасует. Хорошо, может, в успехи в области онкологии он бы поверил, поскольку, несмотря на тонны исследований, онкологические заболевания были и оставались трудно поддающимися управлению, и все, что они могли делать, это облучать, заливать коктейлем из химикатов и резать. А рак был явно сложнее, чтобы его можно было так легко изничтожить, и все эти манипуляции были сродни кровопусканию против гриппа в Средние Века.

Но одно дело - рак, другое - травма, вполне понятная и объяснимая от и до. И вот тебе - на. Виктор не видел своими глазами, поскольку все происходящее оставалось внутри тела (и слава богу, там ему и быть), но ясно чувствовал и подвижки, и изменения внутри. Была мерзенькая слабость от кровопотери, немели пальцы, штормило, "щипало" в горле, но это меньшее из зол.

- Я думаю... с моим балансом можно подождать, - все же вставил свои пять центов Виктор. Да, тут он был уверен, что ребра было важнее, а раз уж девушка тратила явно свои личные запасы сил на это, то стоило прежде всего исправить то, что реально опасно, затем заняться Инайей.

И он как раз получил прямой вопрос насчет нее.

- Общее физическое истощение, большая потеря крови. Я наложил швы, но надо перешивать. Рана весьма интимного характера, - добавил он, полагая, что подробности расположения травмы уточнять не было необходимости. - Угнетение сознания наркотиками.

Тут Виктора пошатнуло, но он, отставив в сторону ногу, удержался в вертикальном положении. Сесть бы, вот только рисковать ребрами еще раз он пока не рискнул бы.

Цирилла Грей

Сказывала еще общая усталость, сколько они шли пешком, прежде чем продолжать путь дальше оказалось невозможно? судя по всему достаточно долго, но так неудачно остановились всего в двадцати минутах ходьбы до монастыря, потому что оставлять пришельцев одних Цирилла уже опасалась, чтобы сходить за помощью, но и оставаться вместе с ними на дороге до тех пор, пока они не восстановятся, считала нецелесообразным. Сейчас обоим нужно было тепло, спокойствие и продолжительный здоровый сон, а вовсе не дорога, костер и ночная прохлада.

- С Вашим балансом ждать нельзя, - строго оборвала Цирилла таким тоном, словно разговаривала с неразумным и капризным ребенком. У нее начинала болеть голова, так что Цирилла становилась слегка раздражительной, и тут мог беспрепятственно вылезать наружу внутренний огонь, который в обычное время девушка уверенно контролировала. Да и вообще Цирилла раздражалась, когда с ней начинали спорить по поводу того, как лечить и кого лечить. Пусть даже если перед ней и врач. Судя по его любезным разговорам. - При всей моей уникальности я не смогу донести девушку до монастыря, и этим придется заняться Вам. Как только я долечу ребра.

Оставалось самое простое в этом лечении - всего лишь воздействовать на область поломанных и треснувших ребер сначала с одной стороны, восстанавливая их целостность, а затем с другой, чтобы в итоге серая сетка справа и слева постепенно исчезла, восстанавливаясь оранжевым свечением. Теперь в красновато-оранжевых линиях, обозначающих кости скелета, не было никаких нарушений. Цирилла стряхнула с рук последнюю порцию ша-ци, поднялась и размяла затекшие от работы и грязной энергии запястья. Как любой маг воды, она не любила подобную забитость рук.

- До монастыря не больше двадцати минут хода, - Цирилла потеряла ноющие виски,

чтобы немного унять в них боль. Энергозапас, все-таки, не резиновый. - Можно воспользоваться тем, что пока сознание девушки угнетено и она не чувствует боли, в лазарете будет кто-то из врачей, вдвоем мы справимся быстрее.

Инайя Халед

Сон не менялся, он был все таким же странным и приятным. Не физически, а морально приятным, потому что после нескольких лет заточения в публичном доме, где вокруг были лишь такие же девки, как и она сама, где все блестящие вещи были невероятной дешевкой, наслаждаться красотой богини было чем-то невероятным. Марокканка даже почувствовала некий подъем сил, словно кто-то открыл в ней если не второе дыхание, то хотя бы придал чуть-чуть сил, чтобы пошевелиться. Но тратить эти самые силы девушка пока что не планировала, потому что это слишком ценная вещь. Но всегда можно лишь немного повернуть голову, чтобы было удобнее наблюдать за происходящим.

Доктор с каждой минутой выглядел лучше. Наверное, богиня одарила его каким-то своим светом, потому что даже несмотря на то, что Инайя не имела ни малейшего представления о том, какие раны получил Виктор, просто у него на лице совсем недавно было написано как ему больно. А сейчас уже нет. Просто он немного бледный, но все уже не так плохо. И это странное чувство, будто все теперь будет только лучше, не только не испарялось в ее душе, но становилось все сильнее. Богиня. Целительница. Она одарила их своим светом.

Виктор Гиббс

Секрет любого упертого заостеневшего врача был в том, что даже узрев чудо (или испытав его на себе), он списывал это на статистические исключения, стечение обстоятельств или эффект плацебо, смотря что было ближе и убедительнее. Трудно отказаться от многолетнего опыта в пользу того, что раньше презрительно называл бабкиными врачеваниями. Но теперь у него были довольно весомые доказательства. Окей, мелкие недуги можно было излечить простым теплом и активацией иммунной системы. Но как быть с механическими повреждениями? Одной верой в светлое будущее ребра не "склеить", тут никуда не деваться. А то, что ребра восстановились, стало понятно уже по тому, что при дыхании пропало микроскопическое ощущение крепитации, скрипа и "щелчка", с каким один обломанный край сталкивался с другим. Виктор даже на пробу вдохнул глубже, потом еще, сколько хватило объема его прокуренных легких. Не было ни боли (только какое-то фантомное надуманное ощущение, скорее психологическое, нежели физическое), ни посторонних звуков и ощущений.

Сказать, что Виктор был поражен - ничего не сказать. Он с таким удивлением воззрился на их спасительницу, что сперва даже не зафиксировал, что она ему сказала. Двадцать минут куда? Что? Потом, правда, вспомнил, что он, кто он, где он, а главное - зачем. Да, точно.

- Тогда не будем терять ни минуты, - насколько мог бодро заявил он.

Конечно, отчасти тут была бравада, потому что слабость никуда не делась, и организм явно с хорошим таким намеком заявлял, что потерю крови он Виктору еще не скоро простит. Но пока включившиеся резервы энергии вполне сносно тянули его

на еще пару подвигов и одно небольшое деяние, так что он согласился - надо было действовать.

- Надеюсь, я смогу рассчитывать на ваш свет еще немного, леди? - поинтересовался Виктор, обращаясь к их новой знакомице-целительнице.

А после этого, чтобы не затягивать с расшаркиваниями, он обратил все силы на то, чтобы поднять с земли свою еще одну новую знакомую (день был полон новыми лицами, ничего не скажешь), спасенную в городе. Иная все еще казалась ему нездорово легкой (при ее возрасте и росте такая худоба была просто вредна), хотя сейчас организм и не был готов к поднятию и переносу вообще каких-либо тяжестей, будь даже в этих "тяжестях" едва ли наберется сорок килограмм.

Цирилла Грей

Двадцать минут иногда могут растянуться на вечность, особенно когда нужно нести на ладони огонь, достаточный для того, чтобы хорошо было видно узкую тропинку, ведущую к монастырю, и постоянно отвлекаться на то, чтобы следить за аурой не только мужчины, но и порядком ослабленной девушки, хотя сейчас ее состоянию можно было назвать как не очень тяжелым, и довольно стабильным. Во всяком случае, не ожидалось никаких кризисов и внезапных ухудшений. Что и сказать, эти двое попали в весьма неприятную ситуацию и не хочется даже думать о том, что было бы, если бы Провидение не привело ее в ту часть дороги до монастыря.

Через какое-то время впереди показались освещенные бумажными фонарями главные ворота, и Цирилла погасила лучину на ладони, потому что ее освещение тут больше не требовалось. Ломило виски и хотелось встать под холодную воду, которая даже лучше огня вымывает ша-ци из организма. А еще лучше - свалиться спать на сутки, чтобы через двадцать четыре проснуться свежей и бодрой, как огурчик. Непозволительная роскошь. Цирилла вела свою небольшую процессию мимо Храма, через ручей по направлению к лазарету, на веранде которого также горел свет.

- Ян? - негромко позвала Цирилла, припоминая, что, кажется, сегодня под утро дежурит он. Сама Цирилла, конечно, предпочла бы тигрицу, но выбирать сейчас не приходится, тем более, что однажды она уже работала с ним в паре, когда нужно было вернуть Коту зрение. Цирилла тогда дико растерялась, испугалась и никак не могла подавить собственную неуверенность, но с того момента утекло много времени, она была уверена, что не напутала ничего в лечении тех же сломанных ребер и проткнутого легкого. - Нам нужна помощь. Сюда, кладите ее на циновку, - Цирилла указала Виктору на ближайшую циновку, сразу же отправляясь мыть руки, если Яну понадобится какая-то помощь. Впрочем, он был очень опытным врачом и мог справиться сам. Цирилла, при всей своей нелюбви к Старшему Мастеру, не могла не признать, что врачевание - его конек. Если бы не гордость, она бы даже могла попросить у него пару уроков.
